

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

БЕССМЕРТИЕ УЧЕНОГО

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. ФЕРРАНА, 1864-1935)

Габриэль Ферран! Еще менее полувека назад это имя ярко сияло в небе европейской арабистики, знали его и на арабском Востоке многочисленным и оригинальным исследованиям. „Смерть Феррана глубоко потрясла востоковедный мир“, — писал Годфруа-Демомбин, оплакивая в прочувствованном некрологе ровесника и друга, с которым он был связан десятилетиями исканий и находок. Сейчас, спустя тридцать лет после кончины Феррана, мало кто помнит о нем. Не удалось узнать ни точной даты его рождения, ни судьбы оставшихся после него бумаг. Труды, не успевшие увидеть света при его жизни, по-видимому, остаются не опубликованными донныне.

Море науки ширилось перед Ферраном постепенно. Ученик Рене Бассе, он посвятил ряд своих ранних работ Мадагаскару, показав в них обширность сохранившегося материала и перспективность исследований в области исторического прошлого этого примечательного острова. Тезис о культурном родстве Мадагаскара и Суматры привел его к занятиям историей Индонезии, откуда фокус его интересов надолго перемещался то в Индию, то в Китай; Ферран, быть может, первый отчетливо показал нам, насколько взаимосвязаны все культуры морского Востока, в какой мере искусственна укоренившаяся специализация по отдельным восточным странам на основе различия в языках. Он был энциклопедистом и в убеждениях, и в действиях, и это сообщило его исследованиям необходимую убедительность. „Только с его знанием и ближневосточных, и малайских, и индийских, и дальневосточных языков можно было это сделать, только комбинация европейских и восточных источников приводила к таким неизбежным результатам“ (И. Ю. Крачковский). Слова „это сделать“ имеют в виду введение в науку новой главы — главы об арабской морской географии XV в. Это было самым выдающимся свершением Феррана в востоковедении. К нему он подошел, завершив предшествующий этап своей деятельности двумя томами блестящих „*Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIII-e au XVIII siècle*“ (Paris, 1913—1914), где дана широкая картина исторической жизни Индийского океана, еще никогда не встававшая перед исследователями в такой полноте, со столь ясно выявленной взаимозависимостью ее составных частей.

Изучение арабской морской географии средневековья начинается после открытия Ферраном и Годфруа-Демомбином в 1912 г. арабских навигационных рукописей в фонде Национальной библиотеки. Отождествление одного из авторов этих рукописей 'Ахмада ибн Маджида с лодманом экспедиции Васко да Гамы в Индию явилось таким крупным событием, которого было бы достаточно, чтобы увековечить имя французского первооткрывателя в истории науки. Но Ферран пошел дальше, он задумал сделать достоянием современной культуры открытые им произведения двух крупнейших мореходов западной Азии, составившие оригинальный жанр арабской географической литературы, и памятниками его успешных усилий на этом пути являются два тома „Instructions nautiques et routiers arabes et portugais des XV et XVI siècles“, с фототипическим изданием текстов и том „Introduction à l'astronomie nautique arabe“, вышедшие с 1921 по 1928 г. Три других тома намеченного им издания — переводы текстов, арабский морской словарь и сравнение арабских лоций с португальскими — остались неизданными из-за кончины Феррана. Тема новой области науки находила отклик во всех работах этого ученого, появившихся в 20—30-х годах нашего столетия, ею вызван к жизни такой изящный этюд, как „L'élément persan dans les textes nautiques arabes des XV et XVI siècles“ (1924), который содержит материал для целой монографии. Можно спорить с Ферраном по поводу понимания отдельных фрагментов текста, можно уверенно отстаивать свое мнение о смысле того или иного пассажа, основанное на более строгом и скрупулезном подходе к источнику. Но при этом несомненно, что Ферран первый заложил основание истории арабской морской литературы — науки, продуктивной настолько, что новейшие исследования в ее русле ставят вопрос о переоценке всей роли арабов в истории мировой культуры.

Оценивая находку Ферраном уникальных парижских документов, И. Ю. Крачковский писал: „Открытие произведений Ибн Маджида и Сулеймана является выдающимся событием не только в аспекте непосредственно интересующей нас арабской географической литературы, где оно обнаружило неожиданно еще одну блестящую, к сожалению, уже последнюю хронологически страницу. Таково же значение этих памятников в общей истории человеческой культуры. Эти морские трактаты ярко рисуют состояние океанских сообщений во второй половине XV века между восточным побережьем Африки, почти от мыса Доброй Надежды, и знаменитым портом Зейтун в Индокитае, захватывая, таким образом, Красное море, Персидский залив, включая все острова Индийского океана и великого архипелага Азии... Они представляют основной и важнейший источник сведений конца средних веков о южных морях“ Избранные сочинения, т. IV, 1957, стр. 568).

Не только гордость ученого, но и практический интерес труженика науки звучит в этих словах крупного арабиста. Игнатий Юлианович, открывший в Ленинграде еще одну рукопись с арабскими лоциями, уде-

лил большое место морской географии Востока в своем томе о географической литературе и в книге „Над арабскими рукописями“. Под его руководством было впервые подготовлено издание трех небольших произведений арабской мореходной литературы средневековья, сохранившихся в ленинградском академическом фонде; в его школе были получены такие навыки исследования сложных памятников, которые в дальнейшем позволили появиться в нашей стране ряду работ по истории арабского мореходства. Главной из этих работ является комментированное издание выдающегося памятника средневековой культуры — „Книги польз в рассуждении основ и правил морской науки“ 'Ахмада ибн Маджида. Это издание представляет осуществление давней мечты Феррана, с самого начала оценившего „Книгу польз“ как „замечательную“ и предвидевшего далеко идущие результаты ее изучения.

Итак, именно наша страна, продолжив дело французского пионера, может сегодня, в его сотую годовщину, подвести некоторый итог исследованиям в той области, которой он отдал два последних десятилетия своей жизни. Оставим в стороне многочисленные отпочкования в виде статей, трактующих частные темы арабской навигации или суммарно излагающих всю тему в целом. Основой для исторических построений может быть лишь филологическое исследование текстов; без филологии нет истории. Что же сделано после Феррана на этом пути? Опубликовано три позднейшие лоции 'Ахмада ибн Маджида, наставника Васко да Гамы в Индийском океане, обнаруженные И. Ю. Крачковским в ленинградском уникаме. Подготовлено критическое издание крупнейшего произведения этого же автора — энциклопедической „Книги польз“, дающей подробную картину восточного мореплавания в начале великой эры географических открытий. Эти свершения вплотную подвели науку к осуществлению следующего важного предприятия — к изданию „Маһрийской опоры касательно точного постижения морских наук“, главного произведения лоцмана XVI столетия Сулаймана из Маһры. Работы этого автора уже 250 лет хранятся в европейском хранилище и не прочитаны доньше, а между тем это второй ценнейший источник уникальных сведений по истории навигации и торговли конца средних веков. После издания „Опоры“ откроется прямой путь к составлению арабского морского атласа XV—XVI вв. на основании уже изученных текстов, хранящих в себе основную массу информации. Этот атлас призван наглядно показать вклад арабов во всемирную астрономию и навигацию. Таковы будут четыре первостепенных достижения новой области науки в послеферрановский период. Следовательно, работа, по существу, еще только начинается.

Инициатива в этой области, развившаяся на советской почве, знаменует бессмертные дела и имени французского ученого. Рожденная случайной находкой, поддержанная первыми исследованиями в Париже, эта инициатива стала у нас движущим стимулом систематической деятельности по вве-

дению в научный обиход сохранившихся памятников арабской талассографии. Она положительно оценена в пределах страны и за рубежом, однако это одобрение должно рассматриваться не только как признание достигнутых успехов, но и как желание видеть бóльшие свершения в будущем. Следует надеяться, что намеченный план исследований, закладывающих первоначальную основу, будет выполнен. Тогда свидетели этого торжества первым среди имен тружеников арабистики снова вспомнят имя Габриэля Феррана, и это будет знаком бессмертия, которым отмечено это имя в истории науки.
